

КРАСОТА ИНТЕЛЛЕКТА . О ГАЛИНЕ ИВАНЧЕНКО

Владимир Кошкин

Я старше Галины на четверть века. Мы никогда не были любовниками. Мы любили друг друга.

За двенадцать лет знакомства с Галиной Иванченко мы провели вместе едва ли неделю. По пять-шесть часов – в год? Немного, казалось бы... Тем не менее, наше общение все эти годы было чрезвычайно интенсивным: мы обменивались только что написанными стихами и эссе постоянно. Звонили друг другу, хоть живем в разных (теперь) странах. Ее присутствие в мире я ощущал постоянно. Как-то так получилось, что встретившись на конференции в Таганроге, мы сразу, с полуслова стали понимать друг друга. Способность Галины вживаться в смыслы – потрясающая. Я не знаю, были ли мои реминисценции по поводу ее творчества чем-то для нее интересным, но ее понимание моих вещей было тончайшим. Следуя ее советам, я нередко редактировал их. Весной 2009 года, когда я должен был сдать в Издательство книжку эссе, я задержал отправку в печать, потому что Галина все еще не сказала мне, что моя аннотация – удовлетворяет ее вкусу. Вы ведь понимаете, как важна аннотация к книге. Переделывал аннотацию трижды. Художественный вкус Галины – критериален для меня. Но книжка Галю уже не застала. Вот ссылка на эту книжку: В.М.Кошкин «Чувства и символы», Изд. «Фолио», Харьков, 2009.

В книжке есть ссылка на ее «Логос любви». Я говорю моему читателю: если хотите понять глубинные сущности любви – читайте эту книгу.

Это философия любви глазами человека, который хочет достичь полноты понимания предмета, сознавая, что объект – необозрим. Когда следуешь за Галиной в ее эмоционально-логических построениях, чувствуешь себя Левенгуком, который находит все новые и новые явления и неизвестную жизнь в хорошо знакомой, казалось бы, капле любви. Как будто нырнул – в каплю. А там – миры... Книги Галины – трудная литература. Любовь в поэзии ассоциируется часто с поверхностью моря: со штормовыми волнами или с плеском тишайшего прибора. Любовь в «Логосе» Галины Иванченко – это погружение в глубину, это любовь в другом измерении. «Космос любви» – о взаимоотношении мужчина-женщина. Ассоциации Галины: любовь – как в физике частиц, когда столкновение двух малых рождает вселенные. Стремление двух зарядов друг к другу – на взаимоуничтожение, на аннигиляцию. Ради яркого взрыва в момент любви. Книги Галины – глубокая литература. Даже «Забота о себе» – книжка, адресованная молодым людям – тоже требует напряжения, чтобы – понимать. Может быть, так и нужно – чтобы проникнуться, нужно потрудиться. То, что далось без труда – легко улетучится. Когда читаешь эссе Галины – будто идешь за первопроходцем в неизведанную страну. Она видит неизведанную страну на континенте, который изучен, казалось бы вдоль и поперек. Она увлекает нас в эту неизведанность, прорубается сквозь заросли. Вдруг – обнаруживается, мощный фундамент какого-то строения. Здесь уже были – первопроходцы. Их просто забыли. Галина освобождает классические строения Ницше или Цветаевой от мха забвения – они теперь вехи на пути к новым пониманиям любви. Сложные ассоциации у Галины. Они поражают: настолько необычны. Иногда поворот мысли, один абзац – и ты растерянно смотришь на то, что казалось понятным – вдруг увидено ее глазами по-новому и – загадочным. Вот что пишет Галина: *«Да, многие говорят именно о трудности "Логоса" - но мне кажется, это скорее концентрированность. Иногда мне кажется, что какие-то абзацы можно развернуть в целые статьи. Не потому что я "такая умная" и что-то здорово придумала (ничего не придумывается: только можно увидеть - как впервые). И затосковать - и потому, что раньше не видел, и потому, что обычно это весьма жестокая истина»*. Галина

стремилась сконцентрировать мысль. До графичности. Мне иногда казалось, что ее видение смыслов сродни Дюреру. Для Галины сложность – синоним правильности пути, которым идешь к истине. Пафос ее философии – не упростить, а высветить. Максимально. Все. Тонкость пониманий – непременно сложна. Великолепная сложность. Книги Галины и стихи Галины – разные выражения ее души. Мне кажется, я понимаю, что за сила двигала этой незаурядной душой. Это желание дойти до устойчивых, надежных опор в понимании человеческой природы. В понимании себя, на самом деле. Вряд ли это кому-либо когда-либо удастся. Но важен не результат, важны находки в процессе поиска. Найдки Галины – драгоценны. Это неожиданные ракурсы понимания – это творчество, которое стимулирует новые вопросы, новое творчество.

Стихи Галины – чаще всего, верлибр. И ее эссеистика и ее стихи – апелляция к дохристианским богам. Греки сделали символы человеческих страстей и устремлений персонифицированными. Политеизм великолепен. Символы взаимодействуют друг с другом – любят, изменяют, плетут интриги, дерутся, дружат, вступают в союзы, предают... Галина живет среди этих богов, среди этих символов, проецируя битвы символов на живую жизнь. Или скорее : она обнаруживает в жизни соотношения символов, похожие на интриги богов. Ее построения часто сложно понять. Но поняв – осознаешь, что постиг новое. Стихия Галины – верлибр: философия не склонна к сладкозвучным рифмам. Рифмы и ритмика раскрепощают чувство, но ставят жесткие условия мысли. Философия Галины Иванченко – поэзия, выраженная белыми стихами. Муза Галины – трагична. Не только верлибры, но и традиционные по форме стихи с рифмами и ритмом – ощущения живой жизни, они тоже трагичны.

*Обозначен зенит
Неподвижною птицей
Пропасть властно манит
Подойти
Оступиться...*

В.И. Шустиков, профессор-химик и известный композитор, увидев эти стихи – на следующий же день принес романс. Вот еще одно лирическое стихотворение Галины, которое тоже стало романсом под руками Валентина Шустикова.

*Лунная печать просветлена
Головокружительным рассветом.
Волны подступающего сна
Более реальны, чем предметы.*

*Разве мы на свете не одни,
Чью еще никто не знает тайну?
Головокружительные дни
Выпадают редко и случайно.*

*То весна пуглива и тиха,
То в горах лавинами грохочет,
И качают колыбель стиха
Головокружительные ночи.*

Помните, Е.Евтушенко формировал когда-то альманах русских поэтов – с единственным стихотворением каждого. Я бы предложил это стихотворение для такой антологии.

Но все-таки, лирика Галины – белый стих. Глубинная неудовлетворенность, свойственная всем творческим людям, требует более суровых форм.

Вот ее слова:

*Эту тоску, растворенность в предутренней мгле,
Лета и осени неистребимую мрачность
Как объясню? –*

- 1.   нарисована я на стекле,
чтобы свободные птицы не бились об окон прозрачность.*
- 2. я опалила однажды крыла до костей,
и не умею поверить в возможность полета.*
- 3.   я, не спросив, в бытие приводила детей,
в певчую вечность – решимость любви и заботы.*

Прозрачно и безжалостно по отношению к себе. На такое способны редкие. Цветаева, например. В Галине было что-то от Марины – откровенность перед листом бумаги. Откровенность перед собою. Ее философия – динамический портрет души во взаимодействии с другими. *«Возможные партнеры, даже если требования очень жесткие, взаимозаменяемы. Пожалуй, подсознательно мы понимаем, что соответствие даже уникальным по жесткости требованиям не делает нас уникальными в глазах Другого. А ведь именно смутное желание быть неповторимым, БЕЗ-подобным, подталкивает нас к тому, чтобы стать любимым Другим, быть отмеченным его любовью».* Как точно выражена едва ли не главная составляющая наших действий – в стремлении обладать тем, Другим. И славой – тоже. Быть в чем-то необычным – это привлекает. Галина притягивала необычностью – и ее красоты и ее интеллекта. Вечный праздник – это вечный интерес к событию. Состоявшееся событие – перестает быть праздником. Привычка к счастью – уничтожает это ощущение. У Галины – как я понимаю – никогда не было ощущения состоявшегося счастья. Ее интеллект не давал ей остановиться. Она никогда не была удовлетворена собой. Вот ее слова: *«Меня неизменно потрясает неумолимость нашего творческого, истинного, желающего осуществиться "Я" - ни один судья не был бы так строг, ни один наблюдатель так внимателен и неподкупен. Конечно, в основном все эти тенденции и проблемы наблюдала в себе и в ближних своих. Книги только помогли найти схематический рисунок».* Ее книги – были ее исповедью. Ее философия любви – это философия творчества и любви вместе, неразделимо вместе. Ее смыслы – беспощадно точны. Стихи ее – безысходно трагичны. Она была счастливо творческим человеком. Не хочу писать о ней в прошедшем времени. Эта личность останется со мной, пока я жив. Она – мой эксперт, мой душевный эксперт.